СВОБОДА

РОССІЯ.
СОЮЗ НАРОДОВ.
УЧР. СОБРАНІЕ.
ЗЕМЛЯ-НАРОДУ.
ЗАКОН.
ПОРЯДОК.

№ 36. Варшава, Пятница 27 августа 1920 г. Год изд. I.

Ближайшіе сотрудники:
Б. В. Савинков, Д. С. Мережковскій, З. Н. Гиппіус, Д. В. Философов. А. А. Дикгоф-Деренталь.

Собственные корреспонденты:
В Польшѣ, в Крыму и за границей

Адрес редакціи и конторы: Новый Свѣт № 22, кв. 47, тел. № 281-88
Редактор принимает от 12 до 2 час дня.

Рукописи не возвращаются.

ЦѢНЫ ОБЪЯВЛЕНІЙ:
Впереди текста — 10 мар., среди текста — 15 мар., позади текста — 5 мар. за строку петита.

ПОДПИСКА:
В Варшавѣ и на провинцію в мѣсяц 100 м., за границу 120 мар.

Цѣна номера 5 мар.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ.

ЗА РОДИНУ И СВОБОДУ.

Сегодня в номерѣ:

Польско-русскій мир.

В деклараціи польскаго правительства по поводу мирных переговоров читаем:

„С русским народом мы не вели войны и не ведем, и не посягаем мы на чужія земли, наоборот мы считаем дружеское сожительство с русским народом основой прочнаго умиротворенія Восточной Европы".

Правительство Витоса-Дашинскаго повторяет таким образом слова приказа по войскам маршала Пилсудскаго от 24 іюля и послѣдовавшаго затѣм воззванія Совѣта Государственной Обороны, что войну Польша ведет не с русским народом. Заявленіе это, сдѣланное в період тяжелых неудач польскаго оружія, повторяется теперь в момент его блестящих успѣхов. Можно думать поэтому, что оно выражает твердую и непреклонную волю Польши не воевать с русским народом.

Но правительство Витоса-Дашинскаго идет еще дальше и дѣлает заявленіе, котораго не было в воззваніи Совѣта Обороны Государства—заявленіе, что Польша хочет жить в дружбѣ с русским народом и дружбу эту считает основой прочнаго умиротворенія Восточной Европы.

Дружеское сожительство с русским народом и прочное умиротвореніе Восточной Европы, это, конечно, не—соглашеніе с совѣтской властью. Мы не предрѣшаем судьбы минских переговоров и не считаем себя призванными давать совѣты Польшѣ. Возможно, что минскіе переговоры докончатся к. н. договором с Совѣтским правительством, пріостановливающим военныя дѣйствія. Но совершенно очевидно, что договор с большевиками не может считаться основой прочнаго умиротворенія Восточной Европы.

И не менѣе очевидно, что дружественное сожительство с русским народом тоже не может быть основано на договорѣ с узурпаторами, которых русскій народ не признает законным русским правительством.

Если представители русскаго общества всѣх партій заявляли о непризнаніи совѣтской власти даже в тот момент, когда ее собирались признать правительства западных держав, то они тѣм менѣе склонны признать большевистскую шайку русским правительством послѣ ноты Соединенных Штатов, рѣшительно антибольшевистской позиціи Франціи и новых колебаній Ллойд-Джорджа. Заявленіе польскаго правительства о желаніи дружбы с русским народом мы понимаем, как программу польской политики, программу, отвѣчающую интересам польскаго и русскаго народа и диктуемую международною обстановкою.

Антипольскій союз большевистской Россіи с Германіей естественно рождает мысль о союзѣ Польши с антибольшевистской Россіей. Этот союз, который встрѣтит самую рѣшительную поддержку Америки и Франціи и менѣе рѣшительно, но все же благосклонно будет Англіей и Италіей, будет дѣйствительной основой прочнаго умиротворенія Восточной Европы. Мир Польши свободной с освобожденной и возрожденной Россіей—необходимое условіе прочнаго мира на Востокѣ.

Мы привѣтствуем заявленіе польскаго правительства и с радостью констатируем тот факт, что оно исходит от правительства Витоса-Дашинскаго, говорящаго от имени Польши народной, крестьянской и рабочей. Мы видим в этом еще один из залогов дружбы с Россіей крестьянской и демократической, освобожденной от большевистскаго плѣна.

Среди большевиков.

Интерес настоящей борьбы Польши и генерала Врангеля с большевиками для нас, военных людей сводится между прочим к тому, что в противоположность послѣдним годам міровой войны и на подобіе первых мѣсяцев этой войны, всѣ боевыя операціи происходят в условіях свободнаго маневрированія, т. е. маневрированія, не стѣсняемаго наличіем тѣх фортификаціонных сооруженій, которыя в таких удивительно сложных, замысловатых, глубоко задуманных, никогда не виданных очертаніях созданы в помощь милиціонным арміям, как преграды, обезпечивавшія извѣстную страну от дальнѣйших поступательных шагов ея противника.

Боевой успѣх при свободном маневрированіи много зависит от личных свойств не только высшаго, руководящаго командного элемента, но и нисших или исполнительных органов того же командованія. Необходимо, чтобы способность послѣдних к принятію самостоятельных рѣшеній, строго отвѣчающих не ранѣе полученному приказанію свыше, а новой народившейся в момент исполненія обстановкѣ, находилась на должной высотѣ. Подобная же самостоятельность возможна лишь при наличіи в младших начальниках безусловной опытности, достаточнаго военнаго образованія, умѣнья быстро и вѣрно оріентироваться*) и наконец—гражданскаго мужества, заставляющаго человѣка не бояться принять на себя отвѣтственность за рѣшеніе, которое при данной обстановкѣ является, по его мнѣнію, единственно законным и цѣлесообразным.

Несомнѣнно, что если у большевиков, благодаря привлеченію в их центральные военные совѣты лиц, прошедших громадный служебный, боевой и военно-научный стаж, может быть организовано безукоризненное руководство войсками в высшем смыслѣ этого слова, то в то же время, у тѣх же большевиков, едва ли имѣется вполнѣ подготовленный к борьбѣ и ея особенностям нисшій командный элемент, заполняемый большею частію людьми не в силу их боевой опытности, военных познаній или боевой годности, а в силу чистоты их коммунистических вѣрованій и способности их к наглым и безчеловѣчным дѣяніям.

Если простота командованія небольшою частью, в родѣ роты, еще не выдвигает неподготовленность нисшаго командного элемента с достаточною яркостью и еще недостаточно подчеркивает несомнѣнно гибельное вліяніе подобной неподготовленности на боевыя операціи войск, то извѣстная сложность командованія болѣе крупными единицами может уже отчетливо подчеркнуть и, как мы видим из происходящих событій, дѣйствительно подчеркивает всѣ отрицательныя свойства средняго командованія у большевиков. Недаром еще в старыя времена, признавая малую способность русскаго командованія к самостоятельности, оцѣнщики нашей арміи говорили, что русскую роту побѣдить никто не может, но что русскій полк может быть побѣжден любым полком другой арміи. В подчеркиваемом недочетѣ и лежит главное об'ясненіе того явленія, что большевики попадают в плѣн большею частію крупными сборищами—десятками тысяч людских голов.

Та же свобода маневрированія, о которой мы говорили выше, требует для успѣха операцій умѣнья организовать, поддерживать, возстановлять и охранять постоянную, неослабную и самую живую, дѣятельную связь между отдѣльными группами маневрирующих войск. Связь же достигается или техническим путем, например чрез хорошо развитую телефонную сѣть, или чисто-духовным путем, когда, всецѣло проникнувшись смыслом данной операціи, отдѣльные исполнители плана ведут эту операцію в строгой гармоніи друг с другом и с предначертаніями свыше. В области технической связи необходимо отмѣтить, что потребных для сего средств, у большевиков имѣется в настоящіе дни очень и очень немного, во всяком случаѣ много меньше, чѣм то учитывается даже скромными и робкими требованіями; что же касается духовной связи, то она едва ли может существовать среди главной массы большевистскаго командного элемента, хотя бы в силу указанной выше неподготовленности послѣдняго и отсутствію единой войсковой школы, говоря иначе однообразнаго пониманія военных явленій.

В концѣ концов получается довольно оригинальная картина: обстановка происходящей борьбы предоставляет войскам полную свободу маневрированія; эта свобода в свою очередь широко открывает двери познаніям, опытности и таланту вождей, как высших, так и нисших; а между тѣм у большевиков, в силу установившейся системы подбора командного элемента, как раз и нѣт на лицо таких вождей, которые могли бы блистать опытом и талантами,—нѣт, по крайней мѣрѣ средних и нисших ступенях. Говоря иначе командный элемент у них не соотвѣтствует создавшейся боевой обстановкѣ. Скованные позиціонной войной, безконечными траншеями и другими техническими сооруженіями, сѣтью широчайших проволочных загражденій, скученностью и многочисленностью грозных непріятельских орудій, военные люди когда то мечтали об утраченной свободѣ маневрированія. Когда же эта свобода явилась, они оказались не подготовленными к ней и совсѣм не умѣющими ею пользоваться. В резуьльтатѣ, всѣ явленія любой операціи обходы, охваты, появленіе непріятельских войск в тылу, не только не встрѣчали стойкаго и умѣлаго сопротивленія, но порождали панику и при полной боевой неустойчивости милиціонных солдат заканчивались торжественным поднятіем рук вверх с мольбою о пощадѣ. Сдаются не десятками, а сотнями и тысячами. С другой стороны,—при особенностях нынѣшней войны т. е. свободѣ маневрированія—разобраться постороннему человѣку, по крайней мѣрѣ в начальной фазѣ отдѣльной операціи положительно трудно. Всюду видишь то, что на образном языкѣ мирных маневров называется „слоеным пирогом", из „слоек" котораго выбираешься с нѣкоторою освѣдомленностью лишь в ту минуту, когда начинается подсчет плѣнных и других трофеев. Только тогда становится в извѣстной степени понятною разыгранная операція, начинаешь давать ей правильную оцѣнку и отчасти предугадываешь ея значеніе для будущих планов.

При подборѣ покаяній о послѣдних боях невольно приходишь к выводу, что у большевиков начинается „снарядный" кризис. Отсюда — немногочисленность их артиллеріи, отсутствіе „ураганнаго" огня, малая устойчивость их пѣхоты, необходимость восполнить малочисленность орудій хотя бы возможно большим количеством пулеметов, крупная цифра послѣдних, попадающих в руки побѣдоноснаго противника... Когда большевики ведут наступленіе, артиллерійскій недочет скрашивается блеском призрачнаго успѣха; когда же наступают дни обороны и морально потрясенная пѣхота нуждается в мощном ободряющем безостановочном гулѣ своих орудій, этот недочет становится рѣзко замѣтным. Мы знаем бои, проигранные исключительно из-за „снаряднаго" голода...

Открывшаяся войскам свобода маневрированія, открыла свободу и для дѣйствій конницы. В міровой войнѣ этот род оружія был стѣснен стойкою, в первые дни войны еще неразвалившеюся, не терявшеюся и мѣткою по стрѣльбѣ пѣхотою, а затѣм — самым способом борьбы, безконечными лентами и узорами окопов и траншей... Венгерская конница, блистая красивыми цвѣтными дольманами, щеголяя своим мужеством, пробовала воскресить на полях Галиціи лучшія традиціи „золотого вѣка" кавалерійских масс, но не смогла побѣдить неблагопріятное для конницы сочетаніе условій современнаго боя и почти вся погибла, присоединив к без'искуственному разнообразію полевых цвѣтов искусственную окраску своих красивых мундиров. Нѣсколько позже, когда от Балтійскаго моря до границ Румыніи протянулись скучныя линіи огнедышащих окопов, замолкли всѣ вѣсти о калерійских боях и конница, когда то царица боевых полей, стала рабынею в скучных траншеях... Но вот грянула гражданская война, а затѣм и нынѣшняя борьба с Польшей. Явился прежній простор и для конных дѣяній. На уроках, полученных от Деникина, Троцкій понял значеніе конницы и с'умѣл вызвать с Приволжских и Донских районов конную силу, про которую вскорѣ же было сказано, что в событіях, разыгравшихся на флангах польской арміи, — у Кіева и близ Полоцка, ей, конницѣ, принадлежала рѣшающая роль. Ее же, конницу, видим мы и в эти дни, в ея страстном порывѣ в двух противоположных точках — у Гданскаго корридора и у Львовских предмѣстій. Появился и суррогат конницы, ея амальгама, ея эрзац — ѣздящая пѣхота, сажаемая на неосѣдланных коней или на повозки, — пѣхота, долженствующая пріобрѣсти скорость кавалерійскаго перелета и сохранить при этом свои личныя особенности — большую стойкость и большую дѣйствительность своей стрѣльбы. Когда то, еще в 1708 г., в період операцій у д. Лѣсной великій Петр первый подал мысль о возможности подобнаго сочетанія и послѣ разгрома шведов у этой деревни не мог не нарадоваться всей практичности и правильности своего вдохновеннаго рѣшенія. В наши дни на Вислѣ был повторен опыт Петра, содѣянный им на Днѣпрѣ.

Когда конница воскресала на боевых полях, как одно из рѣшающих оружій боя, воскресала одновременно с нею, как наслѣдіе очень давних времен, и понятіе о чем то безспорно рыцарском, безпощадном в бою, великодушном послѣ боя... Но как далеки мы нынѣ, свидѣтели кавалерійских операцій Буденнаго и какого то „Краснаго хана" от этих понятій! Как далеки простые и наемные убійцы из конных масс Троцкаго от свѣтлой фигуры доблестнаго и блестящаго кавалериста тѣх времен, когда мѣткая пуля пѣхотинца еще не успѣла отвести конницѣ второстепеннаго мѣста в боевом порядкѣ отрядов и армій! Как близки они по цѣли своих дѣяній и как далеки друг от друга по осуществленію этих цѣлей! Как измѣнилась эта конница и как оторвалась она от прежняго „рыцарства"!

П. СИМАНСКІЙ.

*) Что является прямым слѣдствіем опытности и образованія.

Письмо ген. Вейгана к Верховному Вождю.

От генерала Вейгана пришло письмо на имя Верховнаго Вождя:

Варшава, дн. 25.8.20.

Господин Маршал!

Погоня за непріятелем, которая Вас удерживает вдали от Варшавы, не позволяет мнѣ проститься с Вами в послѣдній раз. Горячо сожалѣю об этом, так как хотѣл выразить Вам свою благодарность за выраженное мнѣ довѣріе в момент перелома, который был так успѣшно разрѣшен побѣдой!

Я хотѣл также лично выразить Вам свою благодарность за пожалованный мнѣ Вами высокій знак отличія. С гордостью буду носить крест „Virtuti Militari"!

Этот знак отличія был бы для меня еще болѣе цѣнным, если бы обстоятельства позволили мнѣ получить его из собственных рук Вождя, командованіе котораго дало побѣду Польским Войскам!

Соблаговолите. Господин Маршал, принять выраженія глубокаго почтенія и преклоненія

(—) ВЕЙГАН.

Остров—Познанскій.

(Путевые наброски).

Курьерскій поѣзд, далеко непереполненный, шел очень быстро. Дремалось... В полуснѣ, точно мелкіе полустанки; мелькали картины послѣдних лѣт.

Редакціи, типографіи, спеціальныя командировки по широкой матушкѣ—Россіи, Сибири, Туркестану, Хивѣ; Бухарѣ и проч, и проч. Затѣм,—война со всѣми ея страшными эпизодами и потом — эта несчастная революція с еще болѣе страшными явленіями, с новой—гражданской—войной.

Порой казалось: уже не довольно ли? Не пора ли забраться куда либо... в Фамагусту и там остаться, если не навсегда, то, во всяком случаѣ, на долгое время.

— Скальмержице!—разбудил меня громкій голос кондуктора и рѣзкая остановка поѣзда.

— Ах... граница Польши... — замѣтил кто-то в темном купэ.

— Экс—граница, — рѣшительно поправил другой пассажир.

— Да, конечно, бывшая граница, но только на обратном пути Вас обыщут по старому: с головы до пяток. Сахар, масло, муку—все отнимут, точно вы ѣдете в чужое государство, — возразил чей-то мужской голос.

Припоминаю зычный русскій оклик:

— Пред'явите ваши вещи, господа, к таможенному досмотру!

Это происходило на ст. Танхой, Забайкалской ж. дор. Ѣдешь бывало из русской Читы в русскій Иркутск, а тут вдруг: „К таможенному досмотру". Будто из чужого в свое попадаешь.

Свисток и снова ѣдешь. Свѣтает. Смотрю на прекрасно воздѣланныя поля, хорошія постройки, шоссе и сады, и думаю:

— Нѣмцы здѣсь долго и образцово хозяйничали.

Еще немного, и поѣзд останавливается у Островскаго вокзала...

* * *

Я никогда не бывал в маленьких городах Западной Европы и, вѣроятно, потому был весьма пріятно поражен.

Кусочек Маршалковской, угол Уяздовской, 2—3 участка Краковскаго и Новаго Свѣта — все это составить вмѣстѣ, подчистить, подкрасить, придѣлать вокзал и получится „Остров". Только своеобразнѣе, уютнѣе, с собственным стилем.

По размѣру Остров—пожалуй—наша Опочка, или Дорогобуж.

Но куда нашим Опочкам, Дорогобужам и Сингилеям до культурнаго Острова!

Встрѣчаю маленькую групку плѣнных.

Русскіе замухрышки лѣниво тащут небольшую телѣжку.

— Ну, вот, Ваня,—мысленно говорю одному из них,— идешь ты, одураченный бѣдняга по этой улицѣ и, навѣрно, думаешь: „Эка, тут все буржуи живут!" А на самом дѣлѣ вовсе не буржуи, а частные трудяги, еле-еле зарабатывающіе себѣ на скромную жизнь, разсчитывающіе и подсчитывающіе каждый пфениг. Но только эти трудяги с'умѣли устроить свою жизнь по человѣчески, а ты—у себя дома—устроил ее по свински. И сидѣл бы ты, Ваня, в своем грязном Алатырѣ и не дерзал бы ты перестраивать Европу на свой алатырско-совдепскій лад. Впрочем, коли занесла тебя сюда большевистская нелегкая, то гляди в оба, как тут люди живут, а, придя в Опочку, постарайся ее передѣлать хоть немножко по здѣшнему. Чистоту и порядок перейми—хоть капельку, да большевиков повыгоняй. И без них можно...

* * *

Останавливаюсь у под'ѣзда громаднѣйшаго каменнаго дома. Чей дом? Коммунальный. Сто мелких чиновников его построили. И живут теперь в своих крохотных, уютных квартирках. Без всяких соціализмов.

Перед одной из них — останавливаюсь.

Не осмѣливаюсь нарушить утренняго покоя пана Купчика. Вѣдь не в Россіи это—гдѣ можно стучаться в 4 утра: „Отворяй, мол, мы пріѣхали". Но пан Купчик, или Скшипэк (тут все Купчики и Скшипэки! А знакомятся с важным видом: „Купчик. Скшипэк. Бардзо пшыемне".), оказывается, любезно поджидал.

Впустил, расшаркался и сразу же предлагает ванну. В небольшой кухонкѣ чистота поразительная. На утвари — надписи нѣмецкія.

Купаясь, думаю: Славяне, прошедшіе нѣмецкую школу! Народ дѣльный, жизнеспособный. Побороть может трудности невѣроятныя.

Пан Скшипэк усадил меня на балконѣ и начал брить, вдаваясь в дебри политики.

— Я в Конгрессувкѣ не был, но, говорят, у вас там безпорядки, дороговизна. И управляться вы не умѣете. Теперь, вот, еле-еле Варшаву не потеряли. Если бы не мы, познанцы, вас бы разбили. Это мы спасли вам Варшаву. Мои 2 брата на войнѣ, один ранен... Под Радзимином, кажется. Все мы.

Я не стал разувѣрять Скшипэка. Пускай думает, что это он один спас Варшаву.

На улицѣ появилась траурная военная процессія. Мы встали и перекрестились.

— Четыре гроба. Вчера несли шесть. И так—почти ежедневно.

Скшипэк смахнул слезу.

Торжественно—грустно заиграли костельные куранты...

* * *

В патріархальном Островѣ нѣт извощиков и потому иду пѣшком.

Вижу чинных и важных познанских солдат. В свое время много их видѣл в Минскѣ, но только теперь понял, почему они так возмущались всѣми минскими порядками, нравами и обычаями. Немудрено: послѣ Острова попасть в Минск — это значит: из чистой комнаты угодить в болото.

На окнах вижу надписи на русском языкѣ: русскія учрежденія.

Встрѣчаю русских людей.

Теперь уже островяне привыкли, но раньше приходили в ужас.

— Откуда? Чего их принесло? Не большевики ли это?

И попутно возмущались:

— Дороговизну разводят. За все плотят в три дорого. Не торгуются. Сумасшедшіе... Убрать их надо.

Но, слава Богу, не убрали.

И на улицах чистенькаго, опрятнаго, скромнаго, тихаго Острова вы можете встрѣтить московских, петроградских, ярославских и тамбовских граждан.

Из „бывших" людей.

Бывших офицеров, помѣщиков, чиновников и журналистов.

Есть даже грузинскій князь и княжна.

Ходят по разному: с важностью и без оной.

— Кто это? — спрашиваю, указывая на молодого господина, точь в точь—чеховскій „человѣк в футлярѣ".

— Бывшій судейскій чиновник... Два раза в монастырь ходил, а теперь тут что-то дѣлает. Прозвали его—„инфузоріей"...

* * *

В мануфактурном магазинѣ продавец вдруг заговорил со мной по русски:

— Да Вы, батенька, из Россіи! Акцент у вас вѣдь того, выдаст вас.

— Да, из Россіи... А вы?

— Я—здѣшній, но четыре года в плѣну был, в Оренбургѣ и в Самарѣ. Изучил язык, женился на православной. В арміи Колчака я поставщиком был. Отлично знаю Дутова. И полюбил же я Россію. В будущем, обязательно с'ѣзжу еще раз!

И „Дутовскій познанец" с удовольствіем говорил со мной минут двадцать.

Когда я стал прощаться — он познакомил меня с двумя парнями, говорящими между собой по польски.

— Эти вѣдь тоже из Россіи. Всю войну здѣсь в плѣну прожили, женились на здѣшних, да тут и застряли.

— Хорошо вам здѣсь, господа?—спрашиваю.

— Ничего... — отвѣчает один из них, типичный русскій парень, уже при воротничкѣ и манишкѣ.

— Откуда вы?

— Мы — Орловскіе...

* * *

Вечером в „цукернѣ" много народу.

За моим столом спорили двое... Обрушились на меня.

— Чѣм вы так восхищаетесь? Геніальное мѣщанство и ничего больше. Мы — русскіе — в такой обстановкѣ задохнулись бы.

И затѣм, ни к селу, ни к городу, начали говорить о превосходствѣ русской литературы, искусствѣ и проч.

Я не прерывал фонтана русскаго краснорѣчія, но, возвращаясь домой, размышлял:

— Литература, искусство, возвышенныя идеи и так далѣе! А в Петроградѣ улицы травой заросли, Москва вымирает, в Кремлѣ „красный царь" подвизается. Что же мнѣ до ваших возвышенных идей и искуств. Охотно вѣрю, что все это изживем, но сумѣем ли Опочку превратить в Остров, или — по старому останемся со свиньями на улицѣ и с возвышенными идеями в головѣ?

Пусть лучше „геніальное мѣщанство", чѣм геніальныя мечты, с наиреальнѣйшими Пугачевыми и Троцкими.

Остров не создаст Толстого, но и не подарит міра Смердяковых и Карамазовых.

БОРИС ОЛЬГИНСКІЙ.

О русских офицерах.

В маѣ 1917 г., т. е. три мѣсяца спустя послѣ февральской революціи, когда уже в каждой ротѣ, в каждом полку, в каждом корпусѣ, в каждой арміи были „Исполкомы", „Аркомы" и „Искомитюзы", когда офицеров отчисляли в резерв за „политическіе убѣжденія"; когда на митингах было принято демагогически восхвалять солдат, даже и тѣх, которые отказывались идти на позицію, и умышленно забывать об офицерах; когда офицеры, согласно приказа № 1-й, перестали в сущности быть офицерами, ибо были лишены власти; — старый солдат, командующій 7-ой арміей, генерал Бѣлькович говорил мнѣ со слезами на глазах:

— Офицеры наши—страдальцы перед Господом Богом. За страданіе их всѣ грѣхи им простятся...

„За страданія их"... Но вѣдь в маѣ 1917 г. чаша этих крестных страданій еще не была и на десятую долю испита. Впереди предстояли мученія неслыханныя, жертвы неисчислимыя, подвиги несказуемыя. Время Керенскаго с одиночными убійствами офицеров и даже с „Выборгской школой плаванія" было только предверіем того, по истинѣ, ада в который ввергли русское офицерство неистовая жестокость и неистовое безуміе большевиков.

Срывали погоны. Бросали под поѣзда. Отправляли в „Штаб Генерала Духонина". Измывались в лицѣ „Главковерха" Крыленко. Потом, послѣ убійства Щастнаго, „судили" в „резкомах" и „чрезвычайках", по „суду" топили, разстрѣливали, просто-на-просто убивали ломом по головѣ... Не было того надругательства, не было того истязанія, котораго бы не испытали русскіе офицеры, вплоть до надругательства не над ними, а над семьями их, вплоть до истязанія не их, а их отцов, матерей, сестер. И теперь еще чаша не испита до дна. И теперь еще в красной арміи в каждом корпусѣ, в каждом полку, в каждой ротѣ, эскадронѣ и сотнѣ, свирѣпствует „комиссар", какой нибудь непомнящій родства „товарищ Антонов", вольный в смерти и жизни своих „подчиненных". Да, воистину, „страдальцы перед Господом Богом". Да, воистину, „за страданія их всѣ грѣхи им простятся".

Что же дѣлало русское офицерство, когда бѣдствія эти постигли его? Забыло ли оно о главном — о том, в чем заключается святая святых солдата, о воинском долгѣ, о долгѣ перед Россіей? При Керенском, когда „Исполкомроты" и „Румчероды" занимались языкоблудіем, а смущенные и соблазненные большевиками солдаты братались в окопах или отказывались идти в атаку, офицеры умирали в бою. Я знаю случаи, когда лѣтом 1917 года офицеры одни, без солдат,

---

А. ЮНОША—ГЗОВСКІЙ. Перепечатка воспрещена.

Палачи революціи.

РОМАН В ДВУХ ЧАСТЯХ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава IX.
КОМИССАРЫ ДѢЙСТВУЮТ.

Александр Федорович Мясникьянц сидѣл в своем служебном кабинетѣ и писал передовую статью и редактируемую им партійную газету „Звѣзда".

Полтора — два года тому назад в этом же кабинетѣ сидѣл губернскій предводитель дворянства, в этот кабинет входили высшіе сановники С—кой губерніи тут рѣшались важные вопросы мѣстнаго края.

В данное время эта комната тоже была мѣстом важных рѣшеній и совѣщаній, но люди, посѣщавшіе ее, были другіе.

Эти люди, уничтожавшіе обыкновенно все красивое и изящное, всегда и всюду вносящіе грязь, хамство и безпорядок („революціонный порядок"), на сей раз сохранили прекрасную обстановку кабинета и, конечно, только потому, что его занял предсѣдатель це-ка партіи, „сам" Мясникьянц.

Бывшій московскій помощник присяжнаго повѣреннаго, бывшій прапорщик, мечтавшій о лаврах Наполеона, революціонный трибун, демагог, соратник „самого" Крыленко, — Мясникьянц был человѣк безусловно интеллигентный. Правда, своим внѣшним видом он всегда старался походить на „товарища плолетарія", носил высокіе сапоги, гимнастерку и грубую солдатскую шинель, но, несмотря на это, интеллигентность и воспитанность видны были в его каждом жестѣ, в обращеніи.

В дверь кабинета Мясникьянца кто-то постучал. Александр Федорович поморщился. Он не любил, когда его безпокоили во время писанья статей.

Войдите... — довольно сухо сказал он.

Дверь открылась, и на порогѣ появился мужчина лѣт тридцати пяти, средняго роста, блондин с небольшой бородкой и кривыми, как у рахитика, ногами. Одѣт он был в черную пиджачную пару и косовороткѣ. У пояса в кобурѣ был небольшой револьвер.

— Я вам, вѣроятно, помѣшал, товарищ... — начал он своим непріятным истерическим голосом, с акцентом, выдававшим в нем жителя Костромской губерніи.

— Да, но вы, товарищ Маркин, вѣроятно, по очень важному дѣлу... — отвѣтил Мясникьянц и жестом предложил ему сѣсть.

— По чрезвычайно важному...— отвѣтил он, садясь в кресло. — Дѣло в том, что, как вам извѣстно, центральная власть требует, чтобы мы отвѣтили на бѣлый террор—красным террором...

— Требует... Что же вы сдѣлали в этом направленіи?

— По моему приказанію сегодня ночью были произведены усиленные аресты. У меня вся чрезвычайка полна.

— У вас есть список арестованных?

— Да вот он...

Мясникьянц начал просматривать список.

— 98 человѣк... Так... Всѣ — контр-революціонеры?

— Конечно... По их званіям это видно. Всѣ буржуи, а стало быть черносотенцы...—увѣренно заявил Маркин.

— А епископ Макарій арестован?

— Да, сегодня его приведут.

Мясникьянц снова начал читать список.

— Офицеры... Пристава... Помощник полиціймейстера... Говорят, он был не из вредных, давно ушел из полиціи и служил послѣднее время в казначействѣ?

— Так то оно так, но все же его образ мыслей—черносотенный Кого же арестовывать, если не полицейских?

— Допустим... А вот — присяжный повѣренный Гуменцев, или Ходанович, Станислав Осипович... Это—вредные люди?

— Безусловно. Кадеты, — сказал Маркин.

— Гм... Ну, что же... Потихоньку приступайте к ликвидаціи... — заявил Мясникьянц и передал список Маркину.

— А с попом то этим как быть? Тоже туда же?

— Я думаю... Сегодня начнете?

— Да... Человѣк десять сегодня ликвидируем.

— Кого именно? — поинтересовался Мясникьянц.

— А первых по списку...

— У вас есть для этого хорошо налаженный аппарат?

— Как вам сказать, товарищ... Работает у меня в этом отношеніи интернаціональный отряд. Латыши, китайцы и мадьяры. Товарищ Аскольдов вѣдает всѣм этим.

— Аа... Ну, дѣйствуйте. Я, как раз, по этому поводу пишу передовую...

— Хорошо... До свиданья. А, да... Будем печатать и „Звѣздѣ" списки ликвидированных? — спросил Маркин, вставая со стула.

— Пожалуй, будем. Пришлите с указаніем причины разстрѣла каждаго.

— Хорошо...

Маркин пожал руку Мясникьянцу и вышел из комнаты.

Мясникьянц стал продолжать свое творчество, но новый стук в дверь оторвал его от работы.

— Фу, черт вас возьми... Войдите! — почти крикнул Александр Федорович.

В кабинет вошел Арголин. Маленькій, юркій, он весь, подобострастно улыбался „самодержавному" комиссару.

— Я уже пришел на засѣданіе. И почему это еще никого нѣт?— спросил он, пожимая руку Мясникьянца.

— Засѣданіе откроется в семь часов вечера. Развѣ вы этого не знали?

— Нѣт. Я думал — сейчас. Мнѣ сказали...

— Напрасно сказали... Я очень занят, не мѣшайте...

— Хорошо, хорошо, я уже ухожу, но вот только передам вам свой отчет. Извольте...

Мясникьянц взял бумагу.

—Толково написан?--спросил он.

— И даже очень. У меня, знаете ли, теперь есть новый сотрудник, юрист, бывшій присяжный повѣренный, как видно, очень способный человѣк.

— Коммунист?

— Нѣт, он себѣ безпартійный, но твердо стоящій на платформѣ совѣтской власти.

— Тверже вас, или нѣт?—улыбаясь, спросил Мясникьянц.

— Ну, что вы, товарищ, я вѣдь коммунист...—отвѣтил Арголин, и подхалимское лицо расплылось в подобнострастной улыбкѣ.

— Ах, вот как... Ну, так послушайте, товарищ коммунист. В вашем вѣдомствѣ — непорядки. В городѣ уже двѣ недѣли, как умер богатѣйшій купец Павлов, а его имущество до сего времени не описано и не взято на учет. Займитесь этим дѣлом. Затѣм — я слышал, что в городском отдѣлѣ соціальнаго обезпеченія происходят хищенія, разстраты. Немедленно произвести ревизію всего отдѣла, пошлите на ревизію хотя бы этого своего юриста. Пусть обревизует и представит мнѣ акт. Понимаете?

— Понимаю.

— Ну, а теперь изчезайте... Мѣшаете...

— Иду, иду...

Арголин раскланялся и ушел, а Мясникьянц стал кончать сою передовую.

Слѣдующаго посѣтителя — товарища Найденковскаго — он не пустил дальше порога:

— Занят. Не могу.

цѣпью выходили на нѣмцев и погибали на проволочных загражденіях. И я знаю случаи, когда они выходили на нѣмцев, а сзади в спину им стрѣляли русскіе пулеметы... Под Бжежанами, под Тарнополем, на Стоходѣ, под Ригой, при неудачах, и при тягостных пораженіях, офицеры неизмѣнно исполняли свой долг.

Так было при печальной памяти Керенском. Совершился большевистскій переворот. Кто отозвался на зов Корнилова, Алексѣева, потом Деникина, Колчака, Юденича? Офицеры. Кто совершил ледяной поход? Офицеры. Кто трупами своими устлал дорогу до Орла? Офицеры. Кто подошел к Петрограду и угрожал Зиновьевскому самодержавію? Офицеры Кто сражался на Волгѣ, на Уралѣ, у Омска? Офицеры. Вездѣ, гдѣ дурно или хорошо, ошибочно или нѣт, но велась вооруженная борьба за Россію — за родину и свободу — в первых рядах шли поруганные, униженные, самоотверженные и доблестные русскіе офицеры. Они оставляли семьи Они послѣ многолѣтней войны снова брались за винтовку. Они неодѣтые, необутые, являли примѣр воодушевленной любви к отечеству. И, как всегда, они умирали. Упал Колчак. Упал Деникин. Упал Юденич. Идея Россіи замкнулась в Крыму, воплощенная в нѣскольких десятках тысячах послѣдних бойцов. И на послѣдній зов Врангеля откликнулся кто? Опять офицеры. Тѣ самые офицеры, которые с боем пробивались на юг или в Эстонію полуголодные, брошенные, всѣми забытые рубили лѣс, или добывали торф. И когда здѣсь в Польшѣ, польская армія, борясь против общаго врага, против большевиков, защищала героически Варшаву, развѣ не было русских офицеров, которые отдали свою жизнь на польских полях за Россію, за Польшу, за „вашу вольность и нашу"? Я утверждаю: не о прощеніи грѣхов должна идти рѣчь. Если и были они, то они искуплены безмѣрным страданьем. Мы, русскіе, должны и можем гордиться русскими офицерами. Пусть „гордый взор иноплеменный" не поймет и не замѣтит их великаго подвига. Мы, русскіе, этот подвиг знаем. Мы, русскіе, этот подвиг цѣним. Мы, русскіе, никогда не забудем, что русское офицерство не сложило оружія в самые тяжкіе дни, не покорилось, не признало власти потерявших облик и подобіе Божіе людей, которые истерзали, разграбили, унизили и разрушили Россію. Вѣчная честь и вѣчная слава русскому офицеру!

БОРИС САВИНКОВ.

Польско-большевистская война.

Взято 300 орудій.

Согласно подсчетам польскими войсками взято до сих пор около 300 орудій, громадное количество оружія и аммуниціи и большія богатства в видѣ обозов и всевозможных запасов. (К. П.).

107.500 плѣнных.

Согласно точнаго подсчета, количество взятых в плѣн большевиков составляло вчера 107.500 чел. Войска наши приближаются к Гродно. (Г. П.).

Нѣмцы о пораженіи.

„Арбейтер Цейтунг" подтверждает, что разгром большевиков в Польшѣ был самым тяжким и самым страшным, какой когда либо постигал красную армію. Большевистскіе вожди переоцѣнили свои силы и не имѣли представленія о настроеніи польскаго народа. Теперь мы видим, пишет „Арбейтер Цейтунг", что польскій крестьянин усердно доставлял польскому солдату продовольствіе, а казалось, что польскій крестьянин должен быть благодарным матеріалом для большевистской агитаціи. Вожди красной арміи и политическіе руководители в Москвѣ проглядѣли чувство независимости у поляков, закаленное в столѣтней борьбѣ. Они довели до об'единенія польскій народ против себя и вызвали воспоминаніе о царском гнетѣ в тот момент, когда начали разыгрывать на польской землѣ роли властелинов. (ПАТ.)

Возможность переворота.

„Тан" сообщает, что заслуживающіе довѣрія круги разсматривают разгром красной арміи, как начало переворота в Россіи. Весьма вѣроятно. что разбитыя русскія войска сдѣлаются по возвращеніи средством антибольшевистской пропаганды. (ПАТ.)

Нѣмцы о польских успѣхах.

„Берлинер Тагеблатт" таким образом описывает польскіе успѣхи на фронтѣ: Польское наступленіе, нужно признать, протекает успѣшно. Большевистское командованіе застигнуто врасплох этим наступленіем в виду того, что в совѣтской Россіи предполагалось, что польскія военныя силы сломаны окончательно. (Н.)

Амуниція для Польши выгружена.

25 с. м. началась в Гданскѣ выгрузка с французскаго броненосца „Гедон" амуниціи и военнаго матеріала для Польщи. (ПАТ.)

Оживленіе в Гданскѣ.

В Гданском порту, как извѣстно, находится нѣсколько англійских военных судов. В теченіе послѣдних нѣскольких дней прибыли два французских военных корабля, сегодня опять еще 4 англійских военных судна. В ближайшее время еще ожидаются военныя суда. (ПАТ).

Телеграмма Миллерана сэру Товэру.

От имени совѣта посланников Мильеран отправил верховному комиссару Товэру телеграмму, в которой подчеркивает, что 104 вункт Версальскаго договора признает за Польшей право пользованія гданским портом, как для привоза, так и для вывоза и потому Мильеран приглашает сэра Товэра дать возможность выполненія этого пункта с использованіем всѣх средств, имѣющихся в его распоряженіи для того, чтобы сдѣлать возможной выгрузку пароходов с аммуниціей для Польши. (Р. П.).

Вызов предсѣдателя мирной делегаціи в Варшаву.

Министерство иностранных дѣл сообщает:

„Радіотелеграфное сообщеніе с нашей мирной делегаціей в Минскѣ по прежнему затруднено, радіателеграмм мы до сих пор не получили, а полученныя частично исковерканы и непонятны.

В виду того, что в этих условіях не может быть и рѣчи о необходимом для веденія переговоров непосредственном контактѣ, министр иностранных дѣл вызвал телеграфно предсѣдателя делегаціи Домбскаго для встрѣчи с членами правительства в Брест-Литовскѣ и дачи отчета о ходѣ переговоров. Во время отсутствія предсѣдателя делегаціи замѣщать его будет государственный секретарь Врублевскій. (Н.)

Троцкій о союзѣ с Германіей.

На парадѣ, устроенном в честь отправляющихся на польскій фронт воинских частей — Троцкій обратился к командному составу и красноармейцам с рѣчью, в которой заявил: „Говорят, что мы идем на поводу у нѣмецкаго юнкерства. Ни меня, ни вас это не должно смущать. Организованные нѣмцы — реальная угроза міровому империализму. Мы лучше согласимся вмѣстѣ с нѣмцами уничтожить імперіалистов во всей Европѣ, чѣм якшаться с правительствами „свободных стран". Нам выгоднѣе в будущем имѣть пред собой только одних нѣмецких империалистов, чѣм французских, англійских и др.

Сообщеніе Польскаго Генеральнаго Штаба.

от 25 августа 1920 г.

Сѣверный фронт: На участкѣ 1 и 5 арміи положеніе без перемѣн. Во время очищенія пространства на запад от линіи Млава-Цѣханов выловлено в дальнѣйшем 3.000 человѣк из остатков большевистских войск.

Средній фронт: В районѣ м. Леман находится еще нѣсколько тысяч большевистских войск всѣх родов оружія, которыя под нашим натиском, оказывая упорное сопротивленіе, отступают в направленіи германской границы. Подтверждается, что на одном из участков наши отряды были обстрѣляны двумя большевистскими батареями и пулеметами, установленными на нѣмецкой территоріи. На шоссе Кольно-Мышинец 57 п. пѣх. встрѣтился с сильным непріятельским отрядом и послѣ упорнаго боя взял 6 орудій, 10 пулеметов, знамя и канцелярію 10 большевистской конной дивизіи.

Отряды 3 дивизіи легіонов в наступленіи на Кобрин наткнулись на непріятеля, организующаго там свои разбитыя единицы и нанесли ему тяжелыя потери, взяв 1.100 плѣнных, в том числѣ весь штаб 10 совѣтской дивизіи. В этом дѣлѣ захвачены 4 орудія и 12 пулеметов.

25 с. м. наши войска заняли Граево.

Южный фронт: К востоку от Львова упорные бои в районѣ Задвуржа; кромѣ того мѣстныя стычки раз'ѣздов.

ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНІЕ ВОЙСК ПОЛЬСКИХ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ.

Англо-Совдепскіе переговоры.

Ультиматум большевикам.

Из Лондона телеграфируют, что министр иностранных дѣл отправил Каменеву копію отчета конференціи в Люцернѣ и письмо, в котором подчеркнул факт, что, согласно послѣдним сообщеніям, условія, которыя совѣты пробуют навязать Польшѣ, находятся в коренном противорѣчіи с условіями, изложенными англійскому правительству Каменевым. Министр иностранных дѣл от имени Ллойд-Джоржа спрашивает, являются ли условія, пред'являемыя Польшѣ дѣйствительно такими, о каких говорят сообщенія, доставленныя англійскому правительству и в утвердительном случаѣ намѣрены ли совѣты их поддерживать. Будущая политика англійскаго правительства зависит от отвѣта на этот вопрос. Министр просит дать ему отвѣт не позже пятницы вечером.

Газеты сообщают, что в виду того, что британское правительство обратилось к совѣтам относительно перемѣны мирных условій, Каменев и Красин потребовали паспорта, будто бы для того, чтобы покинуть Англію в пятницу.

Совѣты должны отвѣтить в субботу.

„Дэйли Ньюс" сообщает: Нота Ллойд-Джорджа и Джиліотти сообщена уже совѣтскому правительству. Отвѣт должен послѣдовать 28 с. м.

Ллойд-Джордж не признал.

„Эхо де Пари" сообщает, что согласно свѣдѣній из Люперна, лица близкіе к Ллойд-Джорджу предполагают, что Мильеран прідет в Люцерн. Основы французской политики по отношеніи к Россіи вполнѣ признаны Ллойд-Джорджем и Джіолитти. Ллойд-Джордж категорически отказал в признаніи совѣтскаго правительства,

Выгонят вон...

Совѣтской депутаціи в Лондонѣ заявили, что, вслѣдствіе возникших сомнѣній в их добрых намѣреніях, дальнѣйшее пребываніе ея в Лондонѣ не имѣет никакой цѣли. Одновременно однако дипломатическій корреспондент „Ивенинг Стандард" сообщает, что дано знать заслуживающей довѣрія англійской инстанціи, что совѣтское правительство нисколько не настаивает на условіи созданія гражданской милиціи для Польши. Совѣтское правительство, как похоже, готово на значительныя уступки и в других пунктах. Корреспондент добавляет, что возникают серьезныя причины, вслѣдствіе которых переговоры вскорѣ будут перенесены в Варшаву.

в пятницу.

„Манчестер Гвардіан" пишет, что, если положеніе не измѣнится, Каменев и Красин выѣдут из Лондона в пятницу.

Глава X.

ДНИ ТЕРРОРА.

...„Да вѣдают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу"...

В камерѣ №9 С—кой „чрезвычайки" находилось 10 „арестантов": 2 присяжных повѣр., 4 бывших офицера, 1 бывшій пристав. бывшій полиціймейстер, эпископ Макарій и один деревенскій попик.

Всѣ они были обвиняемы в контр-революціи, хотя нѣкоторые из них не знали — в чем, собственно, выражалась их „контр-револющіонность".

— Ну, я понимаю, господа, вы — бывшіе офицеры, или вы — полицейскіе, конечно, не сродни большевистскому „прижиму", но причем тут я — бывшій цивилист, судебный дѣятель? — меланхолически резонерствовал присяжный повѣренный Гуменцев.

— И, полно, что за счеты! Инакомыслящіе — должны погибнуть „для пользы соціальной революціи"...—острил его жизнерадостный коллега по профессіи Ходанович.

— А неужто все-таки погибнем? Неужели Господь не сжалится над нами? — трагически вопрошал деревенскій батюшка, длинный, худой, с рыжей бороденкой, отец Никодим из села Серебрянки и смотрѣл на владыку, маленькаго, тщедушнаго старичка с большой сѣдой бородой.

Послѣдній тихо улыбался, окидывая всѣх спокойными, невозмутимыми глазами и молчал.

— Ну, конечно, разстрѣляют... — угрюмо замѣтил бывшій полиціймейстер Гепнеровскій и затѣм добавил:

— Не забывайте, что имѣем дѣло с бандитами.

Станислав Осипович Ходанович, красивый мужчина, лѣт 40, шагал по камерѣ и говорил:

— „Мудрец отличен от глупца тѣм, что он мыслит до конца"... я имѣю смѣлость считать себя человѣком „мыслящим до конца" и результат этого мышленія говорят мнѣ, что ничего особенно страшнаго со мной случиться не может. Я пожил, от жизни взял очень многое, а что конец ея оказался таким скоропалительным и глупым, — в этом не моя вина!

— У меня жена, дѣтишки мелкія..,—простонал батюшка.

— У меня нѣсколько жен и много дѣтей, но не в этом дѣло... — продолжал Ходанович. — Меня занимают другіе вопросы. Помните господа, произведеніе Леонида Андреевича „Разсказ о семи повѣшенных". Помните, как мы читали, плакали, возмущались, как проклинали тѣх, которые не отмѣняют смертную казнь, которые выносят смертные приговоры? Я сам — участник многих политических процессов. В судебном залѣ за моей адвокатской спиной не раз сидѣли „смертники". Я радовался, если мнѣ удавалось этих „смертников" вырывать из об'ятій смерти, „страдал, когда подсудимый становился жертвой палача... Прошло нѣсколько лѣт, и чтоже? Бывшіе „смертники", получивши свободу, сами начали подписывать смертные приговоры, начали посылать на эшафот нас, своих бывших защитников. Вѣдь, господа, мой коллега, защищавшій адмирала Щаснаго, во время процесса увидѣл за судейским столом своего бывшаго подзащитнаго, того самого, котораго 10 лѣт тому назад он спас от смерти своей блестящей защитительной рѣчью. Адвокат напомнил „судьѣ" его прошлое, но это не спасло Щаснаго: человѣк, испытавшій на своей шкурѣ прелести военнаго суда, первым подписал смертный приговор!

— Отсюда — мораль? — кисло улыбаясь, спросил Гуменцев.

— Полное отсутствіе морали. Убиты красоты жизни, в душѣ пусто, а потому легко уйти из жизни.

Всѣ замолчали.

Ходанович подошел к окну, смотрѣл через рѣшетку на китайца — часового, на загаженный „товарищами" двор, на ясное осеннее небо...

...„Пора нам, братья. Иные люди в мір пришли. Иныя мысли и понятія они с собою принесли...— тихо декламировал Станислав Осипович.

— Как ни разсуждай, а все же помирать придется... — тихо проговорил Гуменцев.

— Все от Господа Бога зависит! — уповал священник.

С шумом открылась дверь и в комнату вошли два дюжих гайдука — латыша. Они ввели третьяго, стонущаго, стараго человѣка.

Что-то сказали на своем непонятном языкѣ, толкнули несчастнаго (он упал на скамейку) и ушли, закрыв за собою дверь.

Старик стонал и бормотал что-то.

— Боже мой! Генерал, это вы?! — воскликнул один офицер и подбѣжал к старику.

Подошли к нему и другіе.

— В чем дѣло? Что с вами?

— Истязали... пытали... На электри ..чес...ком... сту...лѣ... — прошептал старик и потерял сознаніе.

Вокруг него суетились, подали воду. смачивали ею виски больного. Нѣкоторые плакали.

— Тише, дѣти мои! — произнес вдруг епископ и встал. — Да не волнуют вас болѣе дѣла мірскія. Будем покорно готовиться к иной жизни, будем молиться за грѣхи наши и за врагов наших,

Проникновенныя слова слабаго тѣлом, но сильнаго духом стараго епископа подѣйствовали на всѣх. Начали успокаиваться.

Епископ Макарій подошел к генералу, положил свои руки на его голову и смотрѣл ему прямо в лицо.

Неизвѣстно было: молится ли владыка, или гипнозом желает помочь больному.

Генерал открыл глаза.

— Это вы, владыка? — тихо спросил он.

— Я, брат мой...

— Пытали меня, влаоыка... Об'виняли в каком то несуществующем заговорѣ...

— Успокойся, брат мой. Прости их и примирись со всѣм.

— Тяжело, владыка...

Больной закрыл глаза и еле дышал.

Снова открылась дверь в камеру и на порогѣ появился высокій, бритый человѣк, с громаднѣйшей шевелюрой. Он был сильно навеселѣ.

— Послушайте, вы! — заревѣл он. Полная причастность ваша к контрреволюціи доказана. Чрезвычайная комиссія именем Россійской Федеративной Совѣтской соціалистической республики постановила вас всѣх разстрѣлять. Приговор будет приведен в исполненіе в 24 часа.

— Голубчик, милый мой! За что? — заголосил попик и повалился „товарищу" в ноги.

Бритый товарищ не обратил на него никакого вниманія и, шатаясь, вышел из камеры

— Стыдно, іерей! — произнес владыка, обращаясь к священнику.

Тот встал, но продолжал плакать.

„Приговор" чрезвычайки, как будто, не особенно поразил заключенных. Вѣдь всѣ они его ожидали.

Первым заговорил Гуменцев.

— Кто этот пьяный суб'ект?

— Говорят, будто бывшій артист-товарищ Аскольдов... — сказал один из офицеров.

— Дегенерат какой-то... — сухо замѣтил бывшій полиціймейстер.

— Дѣти мои, погасите в себѣ злобу, будем готовиться к смерти! — произнес епископ и опустился на скамейку около больного генерала.

— Жизнь — копѣйка, нужно лишь умереть красиво! — говорили древніе Римляне. Давайте, господа, умрем—те красиво! — сказал Станислав Осипович, обращаясь к заключенным.

...Никто не отвѣтил на это предложеніе...

(Продолженіе слѣдует)

У генерала Врангеля.

Продвиженіе вглубь Кубани.

Послѣднее сообщеніе ген. Врангеля передает, что от побережья Азовскаго моря войска продвигаются вглубь Кубани. В раіонѣ на восток от Александровска, непріятель атаковал Эйхвальд, однако был отражен. В окрестностях Шерзизовки взят в плѣн весь совѣтскій полк. В окрестностях Екатеринослава и на сѣвер от Александровска вспыхнуло большое возстаніе против большевиков.

(ПАТ).

Помощь Америки Врангелю.

Ил Константинополя сообщают, что Американскій Красный Крест приготовил к отправкѣ на фронт генерала Врангеля спеціальный поѣзд из 15 вагонов, груженых бѣльем, одеждой, посудой и т. п., предназначенными для роздачи населенію освобожденных мѣстностей.

(Руссаген).

Земельный вопрос.

„Русская Заря" отмѣчает симптоматичное явленіе деревенской жизни, вызванное аграрными мѣропріятіями ген. Врангеля. В уѣздах близких к фронту, но еще не занятых крымской арміей, среди крестьянства распространилась вѣсть, что правительство ген. Врангеля, не только надѣляет крестьян землей, но и закрѣпляет ее за ними на правах частной собственности. Крестьяне, видимо, взволнованы этими извѣстіями и ждут крымской арміи. Явленіе это до того стало обычным, что на послѣднем с'ѣздѣ учителей в Александровскѣ, комиссар Затонскій откликнулся на него слѣдующими характерными словами: „Быть может, скоро здѣсь будет Врангель. Он вам принесет купчія на земли, которыя мы добывали вам нашей кровью. Я знаю, что многіе из вас ждут этого, но все же от нас вы их (купчія) не получите".

„Заря Россіи" называет заявленіе комиссара лебединой пѣсней большевизма в Александровскѣ и надгробным словом, потому что, отказывая крестьянам в купчих на землю, большевики дают в руки крымскаго правительства оружіе побѣды над ними.

Кабинет гражданскаго права.

В Симферопольском университетѣ учреждается кабинет гражданскаго права, гдѣ предположено вести практическія занятія по римскому и русскому гражданскому праву. К участію в веденіи спеціальных практических занятій приглашены члены магистратуры и присяжные повѣренные. (Руссаген)

Расширеніе компетенціи мировых судей.

Извѣстный судебный дѣятель, сенатор Н. Н. Таганцев, состоящій начальником управленія юстиціи крымскаго правительства, внес в совѣт при Главнокомандующим проект расширенія компетенціи мировых судей, имѣющій цѣлью приблизить суд к населенію. Совѣт приступил к обсужденію проектируемой мѣры. (Руссаген.).

Крымская хроника.

В районѣ Грѣхово — Жеребен убит в бою с красными полковник Пашкевич,—командир 2 корниловскаго полка и его создатель.

В Константинополѣ и Севастополѣ, в связи с запрещеніем вывозить деньги из Крыма, будут организованы правительством особыя переводныя станціи. В Севастополѣ будут вноситься русскія деньги, а в Константинополѣ выплачиваться по чекам.

„Крым. Вѣстн." сообщает, что пароходу кооперативных организацій „Пенаю" разрѣшено погрузить 20 тыс. пуд. ячменя, причем, выгрузка с „Пеная" привезенных из заграницы товаров будет произведена в Ялтѣ, а погрузка ячменя в Евпаторіи. (П. Н.).

О волостных земствах.

В приказѣ о временном положеніи о волостных земствах ген. Врангель, между прочим, говорит:

„Переход земли в собственность обрабатывающих ее хозяев и раздробленіе крупных имѣній на мелкіе участки предрѣшают измѣненіе прежняго строя земскаго самоуправленія.

В трудной и отвѣтственной работѣ по возстановленію разрушенной земской жизни необходимо привлечь новый многочисленный класс мелких земельных собственников, из числа трудящагося на землѣ населенія.

Кому земля, тому и распоряженіе земским дѣлом, на том и отвѣт за это дѣло и за порядок его веденія.

В увѣренности, что широкіе круги хозяйственнаго крестьянства, самою жизнью призываемые отнынѣ к преобладающему участію в устройствѣ земскаго дѣла на мѣстах, дружно откликнутся на этот призыв, выдвинут из своей среды наиболѣе способных работников и тѣм посильно послужат общей нашей задачѣ спасенія Родины".

(П. Н,)

Вѣсти из Совдепіи.

Большевики о ген. Врангелѣ.

В Александровскѣ (Екатеринославской губ.) состоялся областной с'ѣзд коммунистической молодежи, на котором присутствовал Подвойскій, выступившій с докладом о задачах момента. Подвойскій заявил, что красное командованіе считает успѣхи ген. Врангеля, как и все дѣло, непрочными, так как фактически Врангель опирается на разнузданное офицерство, которому предстояла голодная смерть, если бы они не вступили в армію. Большевики спокойно взирают на Крымскій фронт, так как на первой очереди ликвидація польской бѣлогвардейщины, требующей много сил и вниманія. К осени Подвойскій считает изизбѣжным паденіе Врангеля и захват большевиками Крыма.

(П. Н.)

В Одессѣ.

Прибывшій на днях в константинопольскій порт из Одессы итальянскій пароход „Мельпомена" вывез из Одессы 600 бѣженцев, преимущественно итальянских подданных. По словам прибывших — за нѣсколько дней до их от'ѣзда из Одессы военный комиссаріат об'явил мобилизацію женщин для полевых и окопных работ. Первая партія, отправленная в казармы на Ланжеронѣ, подверглась гнусному насилію со стороны караула китайцев, охранявшаго мобилизованных женщин. Вѣсть об этом возмутительном издѣвательствѣ над женщинами с быстротой молніи облетѣла город и всѣ молодыя женщины, не исключая и принадлежащих к пролетарским слоям, забирались в погреба и подземелья. На улицах рѣдко можно было встрѣтить даже старух.

(П. Н.)

Рѣчь Троцкаго в Минскѣ.

Московское радіо передает новую рѣчь Троцкаго, произнесенную в Минскѣ перед совѣтами: „Наши войска должны были остановиться перед Варшавой, однако это совершенно не измѣнит хода событій. Польскій фронт дѣлится на 2 части: на военную и дипломатическую-теперь являются два важных центра: Варшава и Минск. Переговоры в Минскѣ потому пріобрѣли огромное значеніе, что они находятся под вліяніем рабочих масс. Вслѣдствіе вмѣшательства Великобританіи, в дѣлах произошел кризис, не имѣющій себѣ подобнаго. Рабочіе вмѣшались в ход событій. Что касается вопроса о Врангелѣ, то покуда он имѣет второстепенное значеніе—судьба и будущее совѣтской республики рѣшается не в Крыму, а на польском фронтѣ. Конечно Москва приложит всѣ старанья, чтобы вернуть себѣ военное счастье.

(Форвертс).

Бунт в латышском батальонѣ.

Латышскій батальон, находившійся на службѣ у большевиков, взбунтовался в г. Екатеринославѣ, гдѣ он был расквартирован в послѣднее время, и отказался подчиняться распоряженіям совѣтскаго командованія.

(П. Н.)

Декларація Польскаго правительства.

Побѣда польских войск ни в чем не измѣнила отношенія Польскаго Правительства к вопросу о заключеніи мира.

Прочный, справедливый, почетный мир был цѣлью, поставленной Польским Правительством в минуту наибольшей опасности, угрожавшей Государству нашествіем большевистской арміи.

Делегація, отправленная в то время в Минск, была снабжена инструкціей, которая должна была привести к перемирію и выработать условія именно такого мира.

Эта самая делегація с тѣми же самыми инструкціями дѣлает и сейчас усилія для заключенія перемирія и мира. и твердая рѣшимость Польскаго правительства ни в чем не поколеблена в намѣреніи этим справедливым способом уладить недоразумѣнія с большевистским правительством. С русским народом мы не вели войны и не ведем и не посягаем мы на чужія земли, а напротив, считаем дружеское сожительство с русским народом основой прочнаго умиротворенія Восточной Европы.

Усилія эти однако будут напрасны, если сношенія польскаго правительства с Минской делегаціей будут в будущем встрѣчать техническія затрудненія в обмѣнѣ и в высылкѣ курьеров.

Польское правительство требует поэтому, чтобы при происходящих совѣщаніях в Минскѣ были бы устранены всѣ затрудненія по сношенію, так как только непосредственный и тѣсный контакт правительства со своей делегаціей может создать такія условія, которыя позволят привести переговоры к благопріятным результатам.

Предсѣдатель Совѣта министр.
(—) ВИТОС.

Нота Польши Гданску.

Отдѣл Печати М. И. Д. сообщает: 23 с. м. комиссар Польскаго Правительства Мацій Бесядецкій вручил верховному комиссару сэру Теуэру ноту протеста по поводу постановленія Гданскаго учредительнаго собранія о нейтралитетѣ свободнаго города. В протестѣ указывается, что рѣшеніе Гданскаго Учредительнаго Собранія противорѣчит тексту и духу Версальскаго договора, а именно его ст. 104, согласно которой Польшѣ обезпечен свободный доступ к морю и веденіе иностранной политики свободнаго города Гданска. Постановленіе Учр. Собр гор. Гданска противорѣчит также 15 ст. временнаго договора между Польшей и Гданском, обезпечивающаго Польшѣ облегченіе всякаго рода транспортов и доставкѣ военнаго снаряженія (ПАТ.)

Разныя извѣстія.

Уход сэра Товэра.?

„Дэйли Ньюс" сообщает, что комиссар Антанты Товэр вскорѣ покидает свой пост.

(ПАТ).

Нѣмцы и сэр Товэр.

„Морнинг Пост", рѣзко критикует позицію комиссара Товэра.

Согласіе возстанавливается.

„Идее Національ" полагает, что Ллойд-Джордж и Джіолитти на пути к сближенію с Франціей и Америкой.

(ПАТ).

Отставка.

Сообщают из Брюсселя, что министр иностранных дѣл Гюисманс подал в отставку в связи с отношеніем правительства к русско-польскому конфликту.

(ПАТ).

Нѣмцы протестуют.

Из Берлина сообщают, что 23 с. м. состоялась там под предсѣдательством Фейренбаха конференція представителей правительства с участіем делегатов синдикатов по вопросу о провозѣ войск и амуниціи. Рѣшено не разрѣшать провоза никаких транспортов, так как это было бы в противорѣчіи с непріятелем Германіи.

Маленькій фельетон.

ВОЕННЫЙ СОВѢТ.

Военный совѣт собрался...

Троцкій, с ушами заложенными ватой, сверкая стеклами пенснэ, сидѣл на предсѣдательском мѣстѣ. Направо от него сѣл Ленин и ковырял зубочисткой в зубах... Огромный, лысый череп его сверкал под электричеством. Тучный генерал с малиновом носом, извѣстный любитель анекдотов, еще при царском режимѣ, сѣл напротив. Дальше размѣстились командиры отдѣльных частей, нѣмецкій генерал и другіе.

„Ну-с!... сказал Троцкій: извольте об'ясниться товарищ докладчик".

Товарищ поблѣднѣл, покраснѣл высморкался и начал:

„Так что я должен сказать вообще говоря наши наступали. Наступали скрозь всю Польшу до самой Варшавы"...

„Почему до Варшавы?"

„Чего-с?"

„Почему я спрашиваю до Варшавы? Почему только до?! Вам вмѣнялось в обязанность взять Варшаву, и ждать приказаній... Вы оглохли или нѣт? Гдѣ, я спрашиваю вас, Варшава?

„Варшава... вообще... гдѣ была... в Польшѣ".

„Знаю что в Польшѣ! кричал уже Троцкій: почему вы не заняли ее?"

„Не заняли? недоумѣвал докладчик: как нам ее занять, когда уже занята".

„Как занята? Кѣм занята?"

„Как нѣт? поляками занята!"

„Почему-же вы невыгнали поляков? Идіот вы этакій".

„Как-же я выгоню поляков, когда они не идут?"

Ленин зѣвнул, посмотрѣл на часы и отрывисто спросил докладчика:

„Гдѣ теперь ваша армія?"

„Армія... там..."

„Гдѣ там?"

„Вообще там... Варшаву, я так разсуждаю, господин товарищ Ленин, никак нельзя взять... Никто не соглашается".

„Кто не соглашается?"

„Поляки! очень даже протестуют... Мы им и так и сяк, и насчет революціи, и коммуны подпускали, знать ничего не хотят... Палят из пушек и дѣлу конец... Наши молодцы сами знаете какіе! Ежели, говорят, добром отдадут—туда—сюда, а то..."

„Измѣнники! вскричал Троцкій почему не работала артиллерія?"

„Артиллерія очень даже работала.. Ей Богу... т. е. извините честно слово работала".

„Ну и что-же?"

„Ну и разбѣжались наши, как заработала".

„Я спрашиваю вас, идіот, почему не работала наша артиллерія?"

„Времени не было... Когда ей было работать то... То значит в дорогѣ были, а как привезли, поляки отбили... Даже отдохнуть с дороги не успѣли... Всю, как есть, и отбили".

„И вы отдали?"

„А вы попробуйте не отдайте... Они не спрося берут... И наших ребят с собой волокут... „Хотѣли говорят, в Варшаву вот вам и Варшава". Ну наши, ничего идут... „Чѣм, говорят, с китайцами да с латышами, да с разным, извините, нѣмцами,—с поляками лучше".

„Молчать! заревѣл Троцкій: Измѣнники! Разстрѣлять его сію же минуту!"

Зубы предсѣдателя ляскнули... заскрипѣли... Пламя сверкнуло в металических глазах...

Ленин мрачно рисовал зубочисткой на сукнѣ неопредѣленные узоры. Прервал молчаніе нѣмецкій генерал:

„Извольте мнѣ возвратить моих офицеров господин Бронштейн! сухо заявил он: я кончаю эту исторію... Вы меня обманули... Гдѣ-же Варшава, которую вы обѣщались взять в три дня?!"

„Ну, а гдѣ Париж... Что?"

„Сначала возьмите Варшаву!"

„Нѣт, сначала вы возьмите Париж!"

„Париж" и „Варшава" нѣкоторое время перелетали из уст споривших, как два резиновые мяча. Никто не хотѣл, как оказывается, брать первый. Наконец успокоились... Нагнулись над картой... Ворчали и царапали ее ногтями, пока не разорвали... Задумались...

„Бог с ней с Варшавой!" заговорил царскій генерал, зѣвая: вы послушайте, какой я вам анекдот раскажу, для некурящих, спеціально... У нас в полку"... „Молчите! я вам покажу „у нас в полку"...

Ленин потянул Троцкаго за рукав:

„Слушай, Левка, кончай засѣданіе, скажу тебѣ пару слов! Он нагнулся и зашептал: „Кончай всю музыку Левка... Поѣдем со мной в Азію!... ну ее Европу к лѣшему!... Погуляли и будет... Я, брат, тебя Левка брамином сдѣлаю, в чалму наряжу... Скажут, что ты святой... Сам одѣнусь Далай-Ламой или еще каким-нибудь чучелом... Подумай Левка! весело заживем!"

„Гм... процѣдил Троцкій: а не опасно?..."

„Чего там опасно! Это тѣбѣ не Европа... Проповѣдуй что хочешь... Людоѣды народ теплый... Живо поймем друг друга!"

„Пожалуй... А наше золото?"

„Золото с собой! Набьем чемоданы и знаешь втихомолку что-б комиссары не видали!... Я бороду привяжу, а ты лицо поприличнѣе сдѣлай, чтобы на человѣка похоже было... Никто тебя и не узнает!"

Троцкій подумал минутку и потихоньку пожал Ленину руку.

АРКАДІЙ АРТЕМЬЕВ.

ХРОНИКА.

Совѣт Обороны Государства.

Третьяго дня под предсѣдательством премьера Витоса состоялось засѣданіе совѣта Обороны Государства. Разсматривались уставы о снабженіи арміи одеждой и обувью. Кромѣ это происходило пренія по вопросу об иностранной пропагандѣ.

(Н).

Обѣд в честь ген. Вейганда.

Третьяго дня министр иностранных дѣл Кн. Сапѣга устроил обѣд в честь ген. Вейгана, в котором приняли участіе представители польских и французских офиціальных и общественных кругов. Под конец обѣда ген. Розвадовскій вручил ген. Вейгану орден Virtuti Militari 5 кл.

(Н).

Возвращеніе посланника.

Завтра возвращается в Варшаву посланник Соединенных Штатов Гибсон, который выѣхал нѣсколько недѣль тому назад.

(Н).

Маршал Тромбчинскій на фронтѣ.

Маршал Сейма отправился на днях на фронт под Ломжу к 14 великопольской дивизіи, причем раздавал солдатам папиросы. В присутствіи маршала и депутатов состоялось торжество врученія креста Virtuti Militari начальнику дивизіи.

(Н.)

Бирма.

Рубли царскіе (500 —315—325.
„ думскіе (1000)—70.50—73.75.
Франки франц. 16.25—16.75.
Доллары 212—218.
Нѣмецкія марки 478—490.
Фунты стерлингов 825—845.

Театр и музыка.

Сегодня:
Розмаитосци. „Лилла Венеда".
Польскій. „Клуб холостяков".
Малый. Клавдій".
Новости. „Жаворонок".
Пражскій. „Дамы и Гусары".
Повшехный. „Шпіон".

Редактор-издатель В. А. ЗЛОБИН.
Drukarnia Literacka, Nowy Świat 22